

Источник: Вехи Таганрога

Дата выпуска: 2003

Номер выпуска: 18

Заглавие: Все это я пережил...

Автор: В. Кобрин

О жизни таганрогского мальчика

Я родился в Таганроге 19 мая 1926 года в доме моего дяди Вениамина Владимировича Зака, где до войны жила наша семья. До начала войны я успел закончить только семь классов средней школы № 10. Несмотря на то, что я был молод, я помню каждый прожитый день, и не могу вспоминать о них без боли в сердце. Но прежде чем продолжить рассказ, я хотел бы сказать несколько слов о своей национальности, чтобы описываемые далее события были более понятны читающим. Она не была отмечена ни в свидетельстве о рождении, ни в паспорте. Лишь в учетной карточке члена КПСС в пункте 5 было записано - еврей. Но в партию я вступил значительно позже, в 1954 году, в зрелом возрасте, а тогда, в конце 30-х, я даже отчетливо не осознавал, что я еврей, вероятнее всего потому, что особо это на тогдашней моей жизни никак не сказывалось. События военного времени и, прежде всего, действия немецких оккупантов, отчетливо показали мне мою национальную принадлежность.

Начало октября 1941 года... На улице прекрасная золотая осень. Ученикам старших классов нашей школы объявили, что надо ехать в колхоз помочь убрать урожай. 8 октября мы вместе с учителями рано утром на грузовиках отправились в Лакедемоновку. Всю дорогу мы ехали с песнями. Приехав на место, мы побежали купаться в море. Потом устроили пикник...

А на следующий день совершенно неожиданно для нас была дана команда возвращаться домой. В небе все время гудели какие-то самолеты - то ли наши, то ли немецкие. Мы ехали унылые, запуганные. Вечером мы были уже дома и узнали, что немцы прорвали фронт и наступают на Таганрог. Город бомбили, были разрушения и жертвы.

10 октября 1941 началась эвакуация населения. Наша семья не успела выехать: отца мобилизовали в отряд самообороны, и несколько дней он не приходил домой, а на руках у моей матери была большая двоюродная сестра - жена доктора Зака. Через пару дней маме удалось найти знакомых, которые имели возможность эвакуироваться и согласились взять меня с собой. Они дали мне место в теплушке, но в последний момент я испугался и не смог оставить плачущую на перроне маму. Когда я спустился из вагона, над вокзалом пролета ли самолеты с немецкими крестами. Мы с мамой отправились домой. Были слышны взрывы. Немцы снова бомбили Таганрог.

Через пару дней мама договорилась с нашим знакомым, пожилым таганрогским адвокатом, Львом Николаевичем Лихтерманом о том, что он в случае необходимости возьмет меня к себе, так как Лихтерман был крещеным евреем, а их по слухам нацисты не трогали,

17 октября 1941 года немцы вошли в Таганрог, началась оккупация. В первый же день по секрету от родителей я выскочил на улицу. Было тихо. На улицах пусто. Я прошел по улице Фрунзе до переулка Антона Глушко и дошел до кинотеатра «Октябрь». Напротив него стояла пушка, а в двух метрах от нее, на дороге, лежал лицом вверх с открытыми глазами молоденький красноармеец. Вокруг валялись стреляные гильзы от снарядов...

В соответствии с вышедшим в этот же день приказом ортскоменданта все евреи должны были зарегистрироваться в комендатуре и появляться вне дома со звездой Давида, нашитой на верхнюю одежду.

В квартире, в которой жила наша семья - мой отец, мать и вдова ее родного брата -

почти ежедневно проводил «обыски» немецкий офицер. По существу это был неприкрытый грабёж. Офицер приходил один, рылся в шкафах, столах и сундуках и забирал все, что ему нравилось: одежду, подстаканники, кольца для салфеток, ложки, вилки и другие изделия из серебра, кожи и прочие предметы быта. Офицер был в форме войск СС, на рукаве его мундира была надпись «Адольф Гитлер». Он был корректен, хорошо знал русский язык. Каждый раз чемодан, наполненный «конфискованными» вещами, по указанию офицера нес за ним мой отец.

Через несколько дней после начала оккупации появилось «Воззвание к еврейскому населению Таганрога»:

«В последние дни имелись случаи актов насилия по отношению к еврейскому населению со стороны жителей-неевреев. Предотвращение таких случаев и в будущем не может быть гарантировано, пока еврейское население будет разбросанным по территории всего города. Германские полицейские органы, которые по мере возможности соответственно противодействовали этим насилиям, не видят, однако, иной возможности предотвращения таких случаев, как в концентрации всех еще находящихся в Таганроге евреев в отдельном районе города. Все евреи города Таганрога будут поэтому в среду, 29 октября 1941 года, переведены в особый район, где они будут ограждены от враждебных актов.

Для проведения в жизнь этого мероприятия все евреи обоих полов и всех возрастов, а также лица из смешанных браков евреев с неевреями должны явиться в среду, 29 октября 1941 года, к 8 часам утра на Владимирскую площадь города Таганрога.

Все евреи должны иметь при себе свои документы и сдать на сборном пункте ключи от занятых до сих пор ими квартир. К ключам должны быть проволокой или шнурком приделан картонный ярлык с именем, фамилией и точным адресом собственника квартиры. Евреям рекомендуется взять с собой ценности и наличные деньги; при желании можно взять необходимый для устройства на новом местожительстве ручной багаж.

О доставке остальных оставшихся на квартире вещей будут даны дополнительные указания. Беспрепятственное проведение в жизнь этого распоряжения - в интересах самого еврейского населения. Каждый противодействующий ему, а также и данным в связи с этим указаниям еврейского совета старейшин, берет все ответственность за неминуемые последствия на самого себя.

Ортскомендант города Таганрога майор Альберти».

На самом деле никакого «особого района» (т. е. гетто) в Таганроге не было.

Утро 29 октября 1941 года стало самым трагическим для многих таганрожцев. Со всех концов города к указанному месту сбора шли мужчины и женщины, старики и дети. Этим людям объединяло только одно - все они были евреями.

Наша семья - отец, мать, тетка и я - вышли из дома, дошли до угла пер. Красного. Взрослые быстро попрощались со мной. Они пошли по улице Свердлова направо, продолжая свой скорбный путь на Голгофу таганрогских евреев, а я пошел налево ко Льву Николаевичу Лихтерману, который согласился спрятать меня от эсэсовцев.

В этот же день в пригороде Таганрога в Петрушинской балке, где до войны добывали глину для кирпичного завода, все евреи (около двух с половиной тысяч) были расстреляны зондеркомандой СС 10А. Среди них была моя мать - Мария Владимировна Кобрина (Зак), отец - Моисей Рувимович Кобрин и тетя - Розалия Робертовна Зак (Идельсон). Мне удалось избежать их участи, так как отец, предполагая худшее, предусмотрительно меня не зарегистрировал. О расстреле евреев Таганрога сообщалось в одном из ноябрьских сообщений Совинформбюро 1941 года. По имеющимся у меня сведениям, в живых осталось только два еврея: глазной врач М.С. Барцинский и я.

До марта 1942 года я скрывался у Льва Николаевича Лихтермана, к которому очень привязался и полюбил за душевное отношение ко мне, за то, что он спас мне жизнь. В целях

безопасности, когда кто-нибудь приходил, я всегда скрывался в задней комнате. Всего я прожил у Лихтермана 4 месяца и 6 дней. 3 марта 1942 года Лихтерман был арестован (как выяснилось позже по доносу его коллеги адвоката Борисова) и расстрелян. Одно время даже считалось, что по его доносу был расстрелян и я, но на самом деле, во время ареста Лихтермана немцы, к счастью, не заглянули в заднюю комнату, где прятался я и двадцатилетняя племянница Лихтермана, приехавшая к нему на каникулы из Ленинграда. Ее тоже арестовали, когда она на следующий день понесла дяде передачу. Я остался один.

Мне трудно описать мое состояние после их ареста. Вечером 4 марта на квартиру Лихтермана пришла вдова директора таганрогского парка Нина Леонидовна Шошникова и забрала меня к себе. Я прожил у нее несколько дней. А потом меня по очереди скрывали у себя знакомые и незнакомые люди. Это были сослуживцы или знакомые моих родителей, а иногда их родственники и знакомые. Эти люди рисковали не только своей жизнью, но и жизнью членов своих семей, ибо за укрытие еврея им грозил немедленный расстрел. Поэтому мне приходилось часто менять квартиры, прятаться в сараях, курятниках, чердаках и подвалах.

В моем спасении принимало участие много людей: Фрида Генриховна Горбенко, Лидия Николаевна Кочубей, Зинаида Федоровна Чикилева, Матрена Ивановна Терещенко (моя любимая няня, воспитывавшая меня с младенчества до гибели моих родителей), ее племянник Федор Терещенко, Валентина Сергеевна Лагутина и многие другие. Но наибольшую помощь мне оказала сослуживица моей мамы по Дому учителя Анна Михайловна Покровская.

Так как в Таганроге свирепствовали гестапо и полиция, скрываться в городе было все сложнее и опаснее. Я попытался 20 мая перейти линию фронта, проходившую в 10-12 километрах от города, но мне это не удалось. Выход из положения нашла Покровская: под видом людей идущих в село менять вещи на продукты, она, ее сын и я вышли из города. Для этого я пользовался подделанным Анной Михайловной моим свидетельством о рождении, в котором фамилия Кобрин была исправлена на «Добрун», а отчество Моисеевич на «Матвеевич».

Мы прошли по югу Украины и 5 июня 1942 года добрались до села Терпение Мелитопольского района Запорожской области. Здесь мы стали работать в колхозе. Работа была тяжелой, и нам всем было очень трудно. Вскоре Покровская с сыном была вынуждена вернуться в Таганрог к больной матери, а я продолжал работать на сельхозработах, на которых за нами присматривали староста и полицаи. С Анной Михайловной я больше не виделся до конца войны, а в 1996 году по моему ходатайству перед Яд Вашем она была удостоена почетного звания и медали «Праведник мира».

Всего я прожил в селе Терпение 143 дня до 26 октября 1942 года. В этот день мне было приказано явиться на медицинскую комиссию для отправки на принудительные работы в Германию. Медосмотр, несомненно, выявил бы мою национальность, а это означало для меня смертный приговор. Поэтому рано утром 26 октября я тайком ушел из села Терпение и решил вернуться в Таганрог. Добирался пешком, на попутках, ночевал в стогах.

1 ноября 1942 года я пришел в Таганрог и до наступления комендантского часа успел добраться до Фриды Генриховны Горбенко. Я прожил у нее несколько дней. Она заменила мне изношенную и вшивую одежду и обувь, обеспечила меня деньгами и едой на первое время, о ноября 1942 года я снова ушел из Таганрога. Теперь мне было легче передвигаться, так как Фрида Генриховна с помощью знакомой нашей семьи, Зинаиды Бару, обеспечила меня фиктивной метрикой, «выданной» городским управлением на имя Сергеевко Владимира Матвеевича.

Покинув Таганрог, я пытался добраться поближе к линии фронта с тем, чтобы перейти ее, но это мне не удалось. Тогда я решил попробовать передвигаться по железной дороге. Пассажирские поезда в то время, конечно же, не ходили. В нескольких километрах от Таганрога на станции Марцево остановился товарный состав, который вез в Германию разбитую

под Сталинградом военную технику. На одной из платформ стояла легковая машина. На эту платформу взобрались городские женщины, ехавшие в деревни менять вещи на продукты. Вместе с ними туда взобрался и я. В машине сидел молодой немецкий солдат. Когда через полчаса по-, шел дождь, он позвал меня в кабину, вероятно, потому, что я был единственным ребенком.

С солдатом у нас даже завязался своеобразный разговор: я знал несколько немецких и французских слов, а немец несколько французских и русских. Наш разговор я очень хорошо помню и сегодня, через столько прошедших с того времени лет. А закончился он тем, что солдат запел по-немецки «Интернационал», а я подпевал ему по-русски. Это одно из моих ярких воспоминаний военных лет, которое оставило глубокий след в моей душе, оказало неизгладимое воздействие и на склад моего характера, и на мое мировоззрение. Когда я сегодня слышу торжественную мелодию Дегейтера, у меня на глаза наворачиваются слезы.

Таким образом, я доехал до станции Ясиноватая, откуда на попутных машинах добрался до Ворошиловграда. У коменданта этого города я попросил дать пропуск до Сталинграда, но он мне отказал, в связи с тем, что там идут интенсивные бои, и порекомендовал мне добраться до Миллерово или до станции Мальчевской.

Добравшись до Мальчевской, я попросил коменданта отправить меня на работу в какой-нибудь колхоз, и предъявил свою фиктивную метрику. Меня тут же направили в «Колхоз имени XVII партсъезда», расположенный на хуторе Козыри Колодезянского сельсовета Мальчевского района Ростовской области. Хутор находился вблизи прифронтной полосы. Таким образом, на этот раз мне частично удалось достичь желанной цели. Спустя пару недель через хутор и соседние села началось отступление фашистских войск.

25 декабря я ушел с хутора и в начале января встретился с наступающими войсками Красной Армии. Я со слезами на глазах обнимал и целовал уставших, но радостных красноармейцев. Это был конец моей жизни в оккупации.

Я не знал, что мне делать дальше, куда идти. Один из командиров посоветовал мне идти в ближайший от хутора город Богучар и обратиться в военкомат. По дороге меня задержали и отвезли в НКВД Богучара, а оттуда переправили в НКВД города Калача Воронежской области, а затем в Воронежское областное управление (оно находилось тогда в Борисоглебске). Спустя несколько дней после 3-4 допросов меня выпустили, выдав мне справку о том, что «гражданин Кобрин В.М., вышедший с оккупированной территории, прошел проверку». Я получил возможность свободно перемещаться.

Я пытался через военкомат вступить в Красную Армию, но мне отказали, так как мне было только 16 лет. После этого я решил пробираться в Москву, где жили родственники. Моя попытка доехать туда на подножке вагона в 20-градусный мороз закончилась тем, что меня на одной из остановок снял с поезда милицейский патруль и доставил в КПЗ узлового отделения милиции станции Бузулук. Там меня в течение 3-4 дней ежедневно допрашивали как немецкого шпиона, а затем выпустили. В горисполкоме Бузулука, куда я обратился за помощью, меня направили в железнодорожное училище № 5. Таким образом, были решены главные жизненные вопросы жилья, одежды и питания.

Все это я с содроганием вспоминаю сегодня, хотя оно, конечно, меркнет в сравнении с тем, что пришлось мне испытать за долгие месяцы жизни в оккупации.

30 августа 1943 года был освобожден мой родной Таганрог, в который я вернулся в начале марта 1944 года. Началась нелегкая, но обычная мирная жизнь. Но еще долго я боялся ходить по улицам Таганрога, поскольку я никак не мог отделаться от ставшего привычным страха, хотя прекрасно понимал, что теперь мне нечего опасаться.

В Таганроге в 1945 году я получил аттестат зрелости в школе рабочей молодежи и уехал учиться в Москву. В 1951 году я окончил Московский авиационный технологический институт и вернулся в Таганрог, где 40 лет проработал на заводе «Красный котельщик».

31 октября 2002 - 13 июля 2003 года

От редакции:

Автор не уточняет, почему конечным местом перехода группы в 1941 году было избрано село Терпение. Но, по-видимому, основания для этого были. Современная областная газета «Миг» (Запорожье) от 28 августа 2003 г. в небольшой статье «Император в гостях у «Патриарха» приводит некоторые данные из истории села, Начало его восходит к XVIII веку. Здесь селились духоборы. Эта православная секта поселилась именно в это время здесь, во времена Екатерины II. Она заинтересовала Сковороду, который составил своеобразный катехизис «Исповедание веры духоборов Екатеринославской губернии». Духоборы проповедовали, что «Чада Божий сами исполняют, что следует без принуждения; власти нужны не для них, а разве для укрепления злых татей и разбойников. Непозволительна клятва и присяга; не следует носить оружие и сражаться с врагами». Духоборы считали: «...кто безвинно бьет и мучит, тот антихрист, кто милостиво судит, уподобляется Богу. Ходить в церковь совесть нам не велит, в ней святости не чаем». Это скрытое неповиновение при Екатерине и Павле вызвало массу гонений, казней, ссылок в Сибирь и прочих притеснений. Оно кончилось лишь с воцарением Александра I, который в 1803 году принял решение переселить всех духоборов в эти края, «па Молочные воды», т.е. в район реки Молочной. Переселяющимся были даны налоговые льготы и по 100 руб. на обустройство. К 1808 году здесь уже было 9 духоборческих поселений с центром в селе Терпение.

В 1843 году Николай I издал указ о выселении духоборов в Закавказье. Почему это нужно было сделать, сказать трудно. О традициях, обычаях, образе жизни духоборов в словаре Брокгауза и Эфрона написано буквально: «О жизни духоборов одни отзываются с большой похвалою, говорят об отсутствии у них воровства и пьянства, об исправной уплате податей; по другим, у них господствуют разврат и жадность к деньгам, ненависть и ссоры доходят до кровавых истязаний и убийств».

В 1895 году духоборов, отказавшихся взять в руки оружие, поддержал Л. Толстой. На гонорар за роман «Воскресение» он снарядил несколько кораблей, на которых большая часть духоборов выехала в Канаду.

К нашему времени духоборы полностью перешли в православие. Но довольно долго, как пишет журналист газеты «Миг» (Запорожье) А. Чуприна, «они ухитрились сохранить свою самобытную культуру».